

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ И ДУМ ЗАВОДЧИКА*

*Без знания кровой — нет
племенного дела.*

ель моей беседы — поделиться своими наблюдениями в области скотоводства, которая приковывала к себе мое внимание с того времени, как я себя помню. Вопрос наследственности — один из самых захватывающих в животноводстве и имеет обширную литературу. В последнее время целую литературу породил Мендель, благодаря своим интереснейшим наблюдениям и мыслям. Их именуют даже «законами Менделя...»

Да не подумает читатель, что я в данном случае имею в виду выступать с какой-либо критикой или дополнением тех или иных современных взглядов или учений в данной области. Моя цель, насколько я в силах, показать, в чем должна заключаться в этой области работа заводчика, как должен он использовать в своем деле современные ему взгляды и выводы людей науки. Людей практических интересов и задач заставить лишний раз почувствовать драгоценную связь науки с жизнью. с практикой — вот моя ближайшая задача.

Работа в своем конном заводе над лошадьми и призовыми и рабоче-упряжными, почти тридцатилетнее ведение стада рогатого скота, наконец, свиноводство, принявшее в моем хозяйстве за последние 10—12 лет исключительно племенной характер, — вот та обстановка, в которой приходилось делать пробы, верить

---

* Печатается по тексту, опубликованному Сельхозгизом в 1947 г., г. Москва. Первые опубликовано в журнале «Вестник животноводства» № 10 и № 11 МСХ Комитета скотоводства, октябрь и ноябрь 1914 г.

и разочаровываться, переживать и успехи и неудачи, делать явные ошибки...

Как часто мы слышим в житейском обиходе противоположенные теории — практике, живого дела — книге. Но, ведь, книга конечной-то своей целью имеет обслуживание той жизни, которая, в свою очередь, постоянно должна давать живой материал, питая мысль, давая ей возможность делать обобщения и выводы.

Вот почему, думается мне, повинны и перед жизнью и перед обслуживающей ее книгой те «практики», те заводчики, которые, приобретя опыт, держат его про себя, под спудом, а не делают его общим достоянием.

Вынося на суд читателя тот скромный материал, который естественно накапливается за ряд лет личных наблюдений над заводским делом как своим, так и у других заводчиков, буду считать себя вполне удовлетворенным, если приложусь в чем-нибудь человеку науки и книги, а заводчика предостерегу от ошибки или остановлю его внимание на чем-либо, что до сего проходило мимо него незамеченным.

* * *

Мы часто читаем, слышим, говорим о породе, о чистокровности, об освещении крови, но как мало мы понимаем, еще меньше чувствуем, что такое чистокровность, так ли и зачем она нужна.

Бедные положительным знанием в области заводского дела, не укладывающегося в рамки лабораторной колбы, мы хватаемся за чисто внешние черточки, донельзя переоценивая их.

Приобретая производителя-симментала, мы будем любоваться, восторгаться его формами, его по условному стандарту расположенными пятнами; но достаточно такому быку иметь на морде, на верхней губе темноватое пятно, как мы от этого восходного производителя отвернемся. Не спасут его ни лады, ни общая породность, ни вне сомнения удостоверенная не только чистокровность, но и происхождение от выдающихся родителей.

Так силен в нас формализм. Не будем этому удивляться: по существу мы далеко не формалисты. Но слабость наша заставляет нас цепляться за этот формализм — авось он спасет.

Нам легко забраковать симментала за темноватое пятно на морде, за то или иное расположение пятен, за их оттенки. А уж белое пятно на брюхе швица и слепой увидит.

Вся эта внешность нам легко понятна и доступна. А всегда ли эта внешность сочетается и с соответственными внутренними качествами? Конечно, нет, — отвечает нам жизнь.

А вот в нуто-то животному заглянуть нам и не по плечу: ни знаний, ни умения не хватает. Не оттого ли мы и генеалогией-то не интересуемся и в так называемый аттестат-то неохотно заглядываем. Что мы там увидим, что даст нам ряд названных в нем имен предков данного животного? Пустые слова, лишние для нас смысл, ничего не говорящие ни нашему уму, ни сердцу. Надо знать язык, на котором написано литературное произведение. Без языка самое красивое и интересное из них останется для нас мертвой буквой. Но ведь языка без большой предварительной работы не узнаешь.

Этой нашей общей скудостью сведений по заводскому делу вообще, незнанием заводского языка и объясняется погоня за животными «выводными», за животными того или иного известного завода. Выводной или майновский швиц, оппелевский или пашковский симментал, выводная, будновская или щепкинская свинья — все это своего рода товарные марки, более или менее обеспечивающие мне, покупателю, чистопородность и, отчасти, качество животного; марки, освобождающие меня от труда самостоятельного определения, оценки породности, кровей и т. д. Они-де, эти заводчики, все это там знают и делают, а я, веря им, плачу деньги за готовое, как бы откупаюсь от необходимой работы.

Думая и поступая так, мы забываем, что не все можно купить, что есть вещи, которые приобретаются лишь личным трудом, напряжением мысли, наблюдательностью.

Изучение строения организма, вопросы кормления легче поддаются лабораторному исследованию и наблюдению, а потому эта область несравненно более развита; тогда как область скотоводства, в частности, вопросы подбора, наследственности и т. д., еще до сих пор хранит в себе гораздо больше тайн и загадок, заглянуть в которые от времени до времени удается лишь немногим заводчикам, одаренным особым творческим чутьем. Немудрено поэтому, что первая область животноводства уже в значительной части является достоянием науки; тогда как уделом второй является почти исключительно заводское искусство, граничащее подчас с простой счастливей случайностью приобретения выдающегося производителя и т. п.

Этой неясностью, неразработанностью области скотоводства, на мой взгляд, в значительной степени и объясняются споры между так называемыми экстерьеристами и сторонниками

хуже родителей. Животноводческая практика до сих пор держалась такого упрощенного приема: предполагается, что дети своими качествами обязаны в одной половине матери, в другой — отцу, в одной четверти каждому из обоих (по матери и по отцу) дедов и по одной же четверти каждому из обоих бабок. Отсюда и определение животного $\frac{1}{2}$ -кровное, $\frac{3}{4}$ -кровное, $\frac{7}{8}$ -кровное и т. д.

Само собой разумеется, что животноводство не математика и на такую точность унаследования свойств от родителей претендовать не может. Скорее замечается в природе стремление унаследовать от того или иного из родителей определенное качество по возможности целиком. Нередко на этом пути и огорчения заводчиков, по-видимому, тщательно и обдуманно сделавших в своем заводе подбор так, чтобы грубые головы матерей (беру для примера) исправлялись, сжимались красивые головной самца; его слабоватая спина, по-видимому, не окажется страшной для потомства, так как-де у матерей зато отличные спины и т. д. И вот, результаты вдруг разрушают все эти предварительные соображения: потомство определенно на-следует плохие головы матерей или плоховатую спину отца, а то так и то и другое вместе.

Немудрено, что заводчик перестает верить в возможность в этой области *работы*, начинает верить лишь в слепую удачу, в счастье «напасть» на удачного производителя, дающего удачных детей. Таким, легко сдающимся перед трудностью заводской работы, заводчикам уместно напомнить случаи, когда «удачный» производитель в одном первоклассном заводе, переходя в другой не менее первоклассный, но с иным подбором маток иных кровей, переставал почему-то быть таким же удачным. Мог бы указать и обратные случаи, когда ряд лет неудачный производитель попадал, наконец, на таких маток, которые сразу переводили его в число удачных.

В области наследственности природа, несомненно, хранит ряд тайн, и человек лишь приближается медленно к частичному распознаванию их. В практической жизни вопросы этой области разрешаются, поскольку это можно называть разрешением, для одного — простой удачей, счастьем; для другого — упорным трудом, тщательным наблюдением, рядом ошибок, что вместе создает некоторого рода опыт; для третьего — дело разрешается почти исключительно талантом, своеобразным заводским чутьем, почти безотчетно угадывающим верный путь и как бы заглядывающим в тайны природы, как то мы встречаем у художников различных областей искусства. *Труд*

оценки животного по продуктивности; между индивидуалистами что ли (не подберу другого слова), оценивающими животное исключительно или, главным образом, по его индивидуальным экстерьерным или производительным качествам, и сторонниками оценки животного, главным образом, по крови, по его происхождению.

Во всех подобных спорах, по-видимому, кроется слишком много недоразумений: слишком разными языками говорят люди.

Наблюдая за развитием животных, мы подмечаем, как по-толкам передаются те или иные черты предков — масть, рост, недостатки или достоинства вроде слабой спины, грубой головы или широкого зада, костистой ноги и т. п. Подмечая такие передающиеся потомству недостатки или, наоборот, достоинства, работающий заводчик старается первые ослабить, вторые закрепить племенным подбором, случая, например, коров ладных, с хорошими спинами, но вообще плосковатых, с быком непременно кругоробрым. В таком случае быку подчас прощается и несколько слабаватая спина, и простоватость и т. д. Таким образом, устранение общей в стаде плосковатости покупается ценою некоторой утери других ценных качеств. Следующего производителя к телкам, происшедшим от первого сочтания, уже приходится подбирать с таким расчетом, чтобы в преследовании ширины и кругоробрости не ввести или не закрепить другого какого-либо недостатка и т. д. Таким образом, заводчику никогда нельзя почитать на лавах — его работа находится в постоянном, непрерывном движении, требующем напряжения мысли, недремлющей наблюдательности. Прибавьте сюда произвольность воспитания и кормления, без чего и удачно сделанный подбор, в конце концов, может дать совершенно неожиданные или прямо-таки противуположные ожидаемым результаты.

Далеко не всегда дело идет так гладко. Наблюдательный заводчик не может не подметить, что черты родителей далеко не всегда и не в одинаковой степени передаются потомству. Сплошь и рядом от одного и того же производителя и матерей родственной крови, часто сестер, дети выходят разные при одинаковых условиях кормления и воспитания. Более чем нередко случается, когда от одной и той же пары при одних и тех же условиях дети получаются далеко не одинаковые. Подмечается подчас и такое явление, что вне сомнений порочная спина, например, или узкий зад производителя почти не передаются детям, даже при отсутствии специального в этих целях подбора матерей. Вообще нередки случаи, когда дети в *среднем* выходят в определенном отношении сверх ожиданий лучше или, наоборот,

наблюдательного и в то же время талантливого заводчика уже накапливает высокой цены опыт, делающий общим достоянием и дающий нам возможность ступенью дальше стать на пути распознавания тайн природы.

Существенным недостатком племенного подбора в заводах является, несомненно, то, что он ведется почти исключительно путем сравнения черт, качеств только отца и только матери будущего приплода.

Если как общее правило можно принять, что дети обычно наследуют в той или иной степени, в том или ином сочетании черты своих родителей, одного ли по преимуществу или обоих — это в данном случае все равно, то в не меньшей степени заводчику приходится считать и с тем явлением, что дети подчас резко, определеннее повторяют черты не отца или матери, а деда или бабки, дяди или тетки и т. п. А ведь таких родителей уже не два, как отец и мать, а несколько, что значительно затрудняет заводскую задачу. Это и понятно. Стоит только вспомнить, что, ведь, всякое животное, как мы выше на это указывали, состоит как бы из многих частей: из половины черт отца и половины матери; или из четырех четвертей — двух дедов и двух бабок; или восьми восьмушек — четырех прадедов и четырех прабабок и т. д. Хотя бы приблизительно определить, чья кровь из этого ряда предков окажет наибольшее влияние на конечного потомка, чьи черты из этих дробей резко выразятся, проявятся в нем, — вот в чем состоит задача всякого истинного заводчика, не лишенного стремления к творчеству.

Работа такого заводчика естественно сводится к тому, чтобы продолжительным наблюдением над племенными животными по возможности выяснить, которые из них в заводской работе оказались наиболее удачными и определенными в смысле возможно полной, яркой передачи своих черт потомкам и притом не случайным экземплярам, а возможно большему числу их. Вот эта-то необходимая заводская работа и парализуется недостатком материала для наблюдений, отсутствием племенных книг, полной невозможностью проследить заводскую работу большинства, чтобы не сказать почти всех, заводских производителей и маток. Наконец, несравненное, относительно богатство представляет заводская литература, касающаяся призовых лошадей. Вот почему для человека, желающего основательно ознакомиться с заводским делом, с явлениями наследственности в этой области хозяйственной деятельности человека, неизбежно основное знакомство с литературой по призовому делу. Когда случка с выдающимся производителем обхо-

дится даже не в сотни, а в тысячи рублей за кобылу, и это не исключительные случаи, то каждый жеребенок — продукт такой случки, разумеется, на учете; все условия его воспитания, его удачи и неудачи являются предметом обсуждения в печати. Равным образом и заводская деятельность такого жеребца или выдающейся кобылы обсуждается и учитывается с возможной полнотой во всех подробностях. Такие племенные, генеалогические записи в связи с освещающей их текущей литературой, не исключая самой обычной журнальной хроники, для истинного заводчика представляют неоцененный материал. В области призового коннозаводства этот материал для всякого интересующегося заводским делом особенно ценен потому, что дает возможность наблюдать наследственную передачу не только внешних, экстерьерских черт, но в еще большей степени наблюдать по большей части скрытые от нас внутренние качества организма — здоровые сердце, легкие, общую гармонию внутреннего строения организма, позволяющие проявлять исключительную резвость. Выникая в такой заводской материал, невольно начинаешь не только холодным умом постигать, но и всем своим существом чувствовать, как человек постоянным племенным подбором закреплял в животных развиваемые в них полезные, необходимые ему для его хозяйственных целей свойства, создавал породу и, наконец, в пределах самой породы еще более выработал определенные племенные линии, *заводскую кровь*, стремясь до минимума свести случайные отступления от намеченного им типа животных, обладающего известными определенными качествами.

Если экономисты представляют капитал как накопленный, как бы кристаллизованный труд человека, то и *заводскую кровь* с тем же правом можно именовать *заводским капиталом*, накопленным, кристаллизованным трудом человека в области животноводства вообще, скотоводства в частности.

Этот накопленный человеком материал показывает нам, что в заводском деле есть такие племенные линии (называемые обычно именем первого более или менее прославившегося своим успехом и потомством родоначальника), которые отличаются тем, что среди отдельных представителей ее особенно часто встречаются исключительно удачные. Таковы, например, в нашем рысистом деле линии малютинского Удалого, телегинского Моргучего, лейхтенбергского (сахновского или шибаевского) Кряжжа, американца Барона Роджерса; в скаковом деле — прославившего завод красинского Рулера; в свицах таков был венцлавовичевский Швейцер; в белых английских свинях — Roger

(по племенной книге № 7203), Right Stamp (№ 8717) и т. д. Эти производители прославились не только своими детьми, но и последующими своими потомками как через сыновей, так и дочерей. Такие дети Удалого, как Лишний, Лель, сын последнего (внук Удалого) Ловчий; сын Швыцера, действовавший в Майновской ферме, — Микадо; серия детей и внуков Roger'a (Worsley Roger, Unique, Shard Roger), Right Stamp'a (Turk of Spalding, сын последнего Turk of Worsley, серия Самсонов) и т. д., выдвинулись не только своими индивидуальными качествами, но и выдающимися качествами своего нисходящего потомства. Таким образом и создаются племенные линии, линии крови, в которых особенно как-то закрепились, особенно ярко и постоянно проявляются определенные заводские и хозяйственные качества. Каждая такая линия, фамилия всегда, разумеется, имеет наряду с положительными качествами и свои характерные для фамилии недостатки.

Заводские материалы и литература показывают нам, что есть как отдельные производители или производительницы, так и целые линии, фамилии, которые легко соединяются с другими и дают от таких соединений большой сравнительно процент удачных животных. Другие производители или линии, наоборот, как бы капризны в подборе кровей к ним; каждая из этих линий сама по себе, вне сомнения, высокого класса, а от соединения их получают животные по большей части лишь посредственные. Вот с такими-то производителями и бывает часто, что они слынут, находясь в первоклассном по подбору маточного материала заводе, за неудачников, пока в других условиях случайно не попадут на подходящих по кровям маток и блестящим потомством от них не покажут сразу настоящего своего класса в заводской работе.

Наоборот, есть производители и линии, которые дают отличные результаты при самых разнообразных сочетаниях кровей, — линии, особенно ценные в смысле облегчения задач заводчика, формирующего себе маточный материал. Таков был рысак Пройда со своими детьми, внуками и правнуками (блиновский Павлин, Варвар-Железный с Вармиком, Варнаком и т. д.).

В заводских кругах про таких действительно бесценных производителей обычно говорят: «им какую кобылу ни покроей — всё от него бежит, всё летит». Наряду с линиями, дающими значительный процент выдающихся животных (среди современных нам русских рысakov — Лесок, Корешок), мы встречаем линии, дающие действительно выдающихся своими качествами живот-

ных, но как отдельные сравнительно редкие исключения. Таков старик красавец и резвач Смелычак, сын знаменитого Лелючего, деда Крепыша: среди его многочисленного потомства от лучших маток классной лошади можно назвать лишь одного Птенца. Не лишен интереса и значения также тот факт, что некоторые линии свои ценные качества проявляют больше в самцах, другие в самках.

Наконец, на фоне выдающегося, классного высококровного материала, естественно распределяющегося на ряд линий, фамилий, нельзя не отметить отдельных производителей, как самцов, так и самок, которые по силе и яркости передачи свойств в потомстве являются не только выдающимися представителями своей фамилии, своей линии, но еще с особенной яркостью проявляют и свою исключительную индивидуальность, иногда начиная собою как бы новую линию. Таковы Вармик в потомстве Пройды, Кряж-Быстрый — в Кряжах.

Таковы выдающиеся маточные свойства знаменитой лермонтовской Булатной, крови которой приписывают резвость современных и Лесков, и Корешков, и Плутарха, и множества других отдаленных ее потомков. Такова была в Малютинском заводе знаменитая Закраса — результат случки дочери с отцом (Закраса — дочь блохинского Молодецкого и старой Заветной, дочери того же Молодецкого). Таковы в английском свиноводстве матки в Эллемировском заводе дайбелевских кровей: Bottesford Empress III (Н. В. № 16744), Bottesford Marchington Quenn (Н. В. № 18128), в заводе Wherry—Bourne Beatrice III (Н. В. № 24644).

Не следует упускать из виду, что «линия такого производителя» — понятие лишь относительное: ведь с каждым последующим поколением кровь этого родоначальника линии как бы разжижается прилитием крови новой матки. Таким образом, в заводском деле всегда и неизбежно борются два противоположных течения: одно — стремящееся закрепить линию крови интересного производителя, другое — естественно и постепенно ее разрушающее, расшатывающее.

Не удивляясь, когда перед таким сложным явлением заводчик опускает руки, а то так и просто махнет рукой, подумав или сказав: все равно в этих дебрях не разберешься, все равно дело случая или счастья — так его и будем ждать или искать.

Такое отступление перед разрешением хотя бы и не легкой задачи, разумеется, оправдывать не приходится. Чем крупнее, чем шире дело, тем больше и работают над такой задачей.

Пример — скаковое дело, где крови изучают и в результате такого изучения не без успеха подбирают их по определенному плану. Кто смотрит на заводское дело лишь как на рулетку или игру в орлянку, не поддающуюся никакому учету, никакому воздействию со стороны играющего, тот не заводчик и нет смысла платить за его животных большие деньги: ведь, животные эти — продукт случая, слепого счастья; ведь, вместе с этими животными не приобретается же кусочек этого, якобы породившего их, слепого счастья. Настоящий заводчик должен постоянно следить и наблюдать за ходом развития интересующей его породы животных, ему необходимо по возможности ознакомиться с историей ее создания. Такой заводчик должен не только знать имена известных в породе производителей или линий, но и представлять себе характерные для них недостатки и достоинства. Приведу ряд конкретных примеров со снимками и характеристикой той или иной линии, «породы», на которые в дальнейшем предполагаю ссылаться, чтобы пояснить свою мысль о подборе кровей, самой технике подбора, без коего не представляю себе работы заводчика, ведущего племенной рассадник.

Подбирая снимки, естественно приходится считаться с обычными их недостатками: или не совсем удачно схвачен момент, чтобы вполне характеризовать особенности животного; или технические несовершенства выполнены оригинал снимка; или же отсутствие оригинала и необходимость пользоваться слабой копией с копии и т. д. Имея дело со снимками, нельзя, наконец, упускать из виду, что одно и то же животное произведет совершенно иное впечатление, будете ли вы его снимать молодым или старым; в блестящем, часто перекормленном выставочном уборе или же в заводском теле. Словом, нужна некоторая привычка разбираться в снимках, делать необходимые мысленные поправки к их недочетам. Трудно сравнить животных между собой по снимкам и потому еще, что масштаб, в котором делались снимки, неодинаков для разных животных, и потому животное, более мелкое в натуре, на снимке может производить более внушительное впечатление. Для пояснения своей мысли привожу по два снимка — с Крепыша и с Питомца.

С «породой малютинского Удалого» у заводчика рысистых лошадей сочетается представление о гнедой и вообще скорее темной масти, о крупном росте, значительной ширине и мощности животного, о его широких, размашистых движениях, о типе крупного, красивой упряжной лошади с очень резвым ходом, с высоким постановом шеи, с грубоватой, но красивой

головой. Не удивит его в животных этой линии некоторая сырость, подчас тяжеловатость, сравнительно позднее формирование.

В породе знаменитого малютинского (завода Шипова) Летучего заводчик ожидает встретить скорее средний рост, светлую масть, легкость движений — «лошадь летит», необычайную пылкость нрава, переходящую часто в такую повышенную нервность — каприз, что лошадь не выдерживает остановки призовой борьбы, что называется «отбивается от рук» и так и не показывает своей истинной резвости. Среди многочисленного потомства Летучего ипподромный бой выдерживало всего 2 — 3 кобылы, которые в общем всегда нервнее жеребцов. В породе Летучего не удивит нас ни злобность, ни маловатый, сравнительно, рост, ни чуть висловатые задние бабки, ни отсутствие желательной ширины всего корпуса, ни шея с наклонностью к кадыку. Наоборот, в сыростности, флегматичности, особенно длинных, размашистых движениях, так же как в особо крупном росте среди потомства Летучего, мы скорее будем искать сказавшееся влияние крови матерей.

Костистое, широкое, часто со спущенным коротковатым задом, сыростное и простоватое по виду потомство Пройды всегда поражает своим изумительно машистым ходом с изумительным «отхлестом» широко идущего зада. Если в породе Летучего каприз на почве излишней злобности, нервности, горячности выражается в том, что лошадь подхватит и понесет как угорелая, то в породе Пройды мы не должны удивляться, если лошадь, довольно спокойно сносящая даже понуждение хлыстом («терпит хлыст»), ни с того ни с сего «закинется», т. е. остановится, упрется и не пожелает идти дальше или во время разгара призовой борьбы повернет с круга в конюшню. Если лошади Кряжовой или Летучего породы прекрасно выдерживают борьбу и на сравнительно длинные дистанции, то в породе Пройды* мы таких лошадей встречаем как исключение. Большинство из них более охотно идет, правда, развывая очень большую резвость, на более короткие дистанции и начиная с самого молодого возраста.

Всматриваясь в одного из лучших современных представителей линии Пройды — гнедого Вармика (завода Н. И. Родзевича, производитель в заводе С. В. Живаго), мы заметим, что он и ростом маловат для этой линии, компактнее, ладнее потом-

* Термин «порода» применяется здесь автором как синоним терминов «родственная группа», «семейство» и т. д. (Прим. ред.).

производителем у Бергмана и 1166/15965. Bourne Banner XVII — у Н. Н. Завадовского.

Кроме того, частью через фирму Соорег, частью через Вишняка в наши южные заводы попало немало детей Bourne Banner V, а также детей сестер старика Bourne Banner'a.

Прилагаемыми снимками я старался дать представление о типе дюкеринговской свиньи (Lindsay A); тип Banner'a складных форм, в полном выставочном наряде, скрадывающем бедноватость окорока (B. Banner V); Banner'a в более худом теле с более заметными теми же недостатками (B. Banner VIII) и с неприятной головой. Нарядная первоприница B. Bramble XX и под выставочным нарядом не в силах скрыть ни бедноватости окорока, ни общей легковатости костяка.

Молодецкий Bourne Bandman III с более ясно выраженной лонгземовицкой, полученной им как от отца B. Banner V, так в меньшей степени и от матери B. Brilliant, Наконец, Юный Беннер в возрасте 1 года 4 мес. дает яркий образец характерных недостатков лонгземовицки.

Этим племенным материалом я и ограничиваюсь. В дальнейших своих соображениях относительно предстоящей заводничьей работы я предполагаю опираться на приведенный материал как взятый для примера. Очень сожалею, что область заводской работы над рогагтам скотом так бедна сведениями и печатными материалами и решительно не дает возможности воспользоваться подобными же приведенными примерами — на втором, третьем поколениях племенная нить уже затеривается.

Даже немногих приведенных примеров достаточно, чтобы представить себе всю трудность положения заводчика, стремящегося вести свою работу не наугад или слепое счастье, а более или менее сознательно. Скажу более: чем больше заводчик начинает знакомиться с кровями, с линиями заводимой породы, тем острее он начинает сознавать всю трудность предстоящей ему работы. Все начинает ему казаться недостаточно ясным, мало обоснованным, спорным... Сейчас же возникают сомнения: а что считать линией крови; кого родоначальником линии; каковы характерные черты той или иной линии; не присуща ли та или иная черта в одинаковой степени двум-трем линиям, из кровей коих слито данное животное и т. д.?

Чтобы не приходило в отчаяние от таких сомнений и не опускать рук перед открывающейся работой, заводчик никогда не должен упускать из виду, что особенной точности, обоснованности, бесспорности в ней быть не может; наоборот, в ней слишком много личного, субъективного, а следовательно, слишком ни-

рое поле для впечатлений, для чувства, для своеобразного заводского не поддающегося учету чутья. Тем, разумеется, ценнее все то, что в этой области человеческого творчества поддается хоть какому-нибудь более или менее точному учету. Какова бы ни была, от условий воспитания или от случайных причин, зависимость роста, веса ряда животных данной линии крови, тем не менее почти всегда можно, так сказать, нащупать приблизительно характеризующую ее среднюю. Таковы же данные о резвости, о склонности проявлять такую по преимуществу на коротких или и на более значительные дистанции; таковы средние данные об удоях животных определенной линии, о жирности их молока; о сравнительной быстроте усвоения кормов — податливости на откорм и т. д.

Конечно, все это хорошо высказывать в виде общих соображений; но как поступать на деле заводчику, как разбирать в самих живых животных все эти линии, раз каждое из них представляет собою как бы целый букет различных признаков, часто и противоположных друг другу, соответственно разнообразию кровей, из которых оно слито? Жизнь до некоторой степени дает на это ответ.

Присмотримся к наиболее совершенной, в смысле степени развития, отрасли животноводства — призовому коннозаводству.

Знакомясь с историей наиболее известных заводов, с их племенным составом, мы наталкиваемся на такое не случайное явление, что большую часть их можно разбить на отдельные группы, сообразно тем кровям, которые в течение ряда лет были предметом исключительного внимания заводчиков. Работа заводчика по большей части идет в пределах 2—3 характерных линий крови, если принимать во внимание, главным образом, ближайшие к нам 3—4 поколения, не более, и придавать меньшее значение родоначальникам породы, встречающимся в более отдаленных от нашего времени поколениях.

Если ближе рассмотреть, например, состав кровей завода Н. П. Малютина, то, несмотря на встречающиеся в отдельных матках крови аласинского Гранита, сабуровского Волокиты, телегинского Бычка и др., все-таки характерный облик заводу дают две линии: тулиновского Удалого и шиповского Летучего. Раз нам удалось усвоить себе характерные черты этих двух линий, то будет уже значительно легче разбирать, как среди животных, типичных для породы Удалого, оказалась попавшая в них кровь телегинского Бычка или нероновской Закрасы, так сильно воспринявшей в свои жилы кровь своего отца (он

же ее дед по матери) — блохинского Молодецкого. Не встретим мы здесь ни кувей Кучневского завода, ни кряжевой породы завода Лейхтенбергского, ни породы Нагиба. В старом заводе И. И. Воронцова-Дашкова также придется в качестве преобладающих отметить крови Задорного, с сыновьями Подагой и Светом, и Петушка, с сыном — Петелом. Мы также не встретим малютинских кровей в заводе Воронцова-Дашкова, как и воронцовских в заводе Малютина. Равным образом, не в этих двух заводах следует искать крови Горюна, Кряжа, лермонтовской Булатной (у Малютина одна Перцовка) и т. д. Словом, у каждого завода есть своя излюбленная, так сказать, группа кровей, то или иное сочетание их; с другой стороны, те или иные крови в наиболее удачных представителях следует искать в определенных заводах. Такое же точно явление наблюдаем мы и в других отраслях животноводства.

В свиноводстве наиболее богатый выбор потомков St. Paul'a через его сына Ruddington Monarch'a мы найдем, конечно, в заводе Эллесмира; тогда как потомство того же St. Paul'a, но через его сыновей — многократного чемпиона Vanguard'a и Rising Sun'a, надо искать у R. M. Knowles в сочетании с кровью его знаменитой матки Colston Lass. Вряд ли можно отрицать, что одной из главных основ громадного завода Эллесмира является группа животных маленького сравнительно, старейшего завода D. R. Daybell'a. Таковы эллесмировские матки Bottesford Empress III (№ 16714), Empress of Worsley (№ 22774), Worsley Princess (№ 13178), Worsley Princess VI (№ 14922), Bottesford Marchington Queen (№ 18128). Знаменитый Worsley Turk IV (№ 11217) — сын дайбеллевского же Bottesford Worsley (№ 9015). Долее всех действовавший производитель у Эллесмира, прославившийся своим потомством Empress of Worsley (№ 10791), родился у того же Дайбелля. Более независимое положение занимает завод R. Stuart близ Sowerby. Еще более особняком стоит, некогда занимавший положение в первых рядах и снабжавший заводской кровью свиноводство России, Sanders Spencer.

Только такое сосредоточивание своего внимания на определенном числе племенных линий, на более или менее определенном сочетании кровей и дает возможность заводчику вести работу в определенном направлении, не случайно. В последнее время во всех областях животноводства замечается меньше выдержанности, определенности в работе: призовые и выставочные успехи вместе со случайными вздутыми ценами на отдельных племенных животных вводят заводчиков в соблазн «пытаться

счастье», хватаясь за всевозможные линии кровей, раз только среди представителей какой-нибудь из них выдвинулась пара-другая удачных животных. Поэтому в последнее время замечается гораздо большее сравнительно с прежним смешение различных кровей по заводам: *езде* стремятся *все* пробовать. В призовом деле такое пробование дает возможность получать отдельных, исключительно выдающихся животных. В этом деле работа идет, главным образом, на получение исключительного рекордиста. Ровный, но не выдающийся хотя бы и хороший средний материал дает гораздо меньше удовольствия и самолюбия и карману заводчика. Вот почему с развитием призового дела усиливается погоня за исключительными отдельными рекордистами и одновременно обнаруживается постепенная утрата заводами определенности, выдержанности в направлении работы; утрата определенности типа разводимых в том или ином заводе лошадей, смешение всевозможных кровей. Если ранее каждый завод держал своего состава маток определенных кровей и к ним имел специально подобранного производителя, то теперь, наоборот, сильно распространяется обычай рассылать маток из своего завода под разных своей резвостью или удачным приплодом блеснувших производителей, объявленных в общественную случку.

Несколько иначе обстоит дело при разведении сельскохозяйственных животных. Тут рекордисты приобретают совершенно иное значение, уступая место среднему типу. Тут наше внимание обращается уже в сторону получения *стаки* жеребят, которая всегда выигрывает в ценности, главным образом, в зависимости от выравненности, однородности составляющих ее животных. Так обстоит дело и с верховой ремонтной, и с упряжной, и с тяжеловозной лошадей. В молочном деле хозяин на гораздо более интересует средний на голову удой стада, средний на стадо процент жира в молоке, чем рекордные удои отдельных животных. При откорме на убой как рогатого скота, так и свиной успех обеспечивается опять-таки возможной однородностью *стаки*.

Словом, если в призовом деле едва ли не главную цель заводчик видит в получении рекордистов отдельных *индивидуумов*, то для сельскохозяйственного скотоводства естественной целью являются рекордные *средние* животные, рекордные качества *стаки*.

Одним из моих главных учителей в заводском деле был известный рязанский заводчик Н. И. Родзевич, умевший заражать окружающую его молодежь интересом к делу, стремлением

вдуматься в самую суть его. Располагая более чем скромными средствами, подчас не имея ровно никаких, он достиг в призовом деле редкого успеха только благодаря исключительной энергии, упорной работе и, конечно, природному заводскому чутью, которое в интеллигентном, вдумчивом человеке естественно приобретает и особую цену и творческую силу. Часто вспоминаю я наши беседы в период 1897—1900 гг. в Баграмове. Много из того, что в новых работах американца Редфильда по подбору рысаков отмечается, как оригинальное и особо ценное, в наших беседах, имевших место почти 20 лет назад, принималось нами уже как неоспоримое и клалось нашим учителем в основу его текущей работы в Баграмовском заводе. Там отчасти уже делалось то, что нам сейчас в качестве новых выводов и обобщений шлют в печатной форме из Америки спустя 15—20 лет.

На наши частые вопросы о приемах подбора, о противоречиях между тонкостями экстерьера и проявлениях резвости неоднократно следовал ответ Николая Игнатьевича: «А что Вы хотите разводить? Если упряжную лошадь, то требуйте от производителя великопленного экстерьера и удовлетворительного происхождения. Если хотите получить призового рысака, требуйте безукоризненной породы и терпимого экстерьера. Пытайтесь соединять то и другое по плечу лишь талантливым и счастливым заводчикам, обладающим притом неограниченными средствами. Нам, обыкновенным смертным, об этом можно лишь мечтать и по мере сил и удачи более или менее к этому идеалу приближаться».

Немудрено, что призовое коннозаводство, гораздо больше заинтересованное в получении внутренних, скрытых от нашего глаза, качеств животного — гармония в развитии мускулатуры, легких, сердца, нервной системы и пр., позволяющих ему проявлять возможно большую резвость, раньше других областей животноводства почувствовало необходимость, неизбежность внедриться в вопросы происхождения животного, в его крови и оставить на втором плане вопросы внешней его улаженности, вопросы экстерьера.

В хозяйственном животноводстве, главным образом, чтобы не сказать исключительно, в мясном деле в неизмеримо большей степени вопросы разрешаются на глаз по экстерьеру. Чем тоньше и совершеннее становится молочное скотоводство, тем, разумеется, больше приходится и тут заглядывать в происхождение животных в целях подбора стада от молочных предков. Тут уже начинают постепенно тускнеть все эти так называемые

«признаки молочности», уступаая место подбору по действительной, проявленной молочности предков ближайших восходящих поколений.

Принимаясь за разведение животных той или иной породы (в более широком смысле слова), заводчик и по живым ее представителям и по литературе должен по возможности точнее выявить себе характерные для нее как внешние черты, так и внутренние свойства.

Разводя симменталов, заводчик должен себе ясно представлять, что высоконоготь, цибасть, так же как и развернутость в передних ногах, — характерные признаки породы и допустить мы в гораздо большей степени, чем у животных других пород. Разводящий крупную белую английскую свинью не должен упускать из виду, что англичанин хряку этой породы так же легко простит узковатость зада, общую его сравнительно с породом бедноватость, как не примирится с плосковатостью животного в ребре, с западинами за лопатками, вообще с бедноватостью хряка в переду.

Разводящий тяжелозовов клайдсдальской породы не должен забывать, что относительная слабость спины, пашисть, недостаточно полная подпруга являются характерными недочетами породы и потому прощаются этим животным в гораздо большей степени, чем, например, сырьость ноги, недостаток подвижности. Наоборот, в шайре мы требуем лучшей спины, более полной подпруги, более крутого ребра, но естественно миримся с большей сырьостью, теряем в свободе движений.

Разводящий симменталов, а в особенности подобранный животный, главным образом, если не исключительно, по росту и экстерьеру, не должен удивляться появлению в стаде сравнительно большого процента животных маломолочных. Он всегда должен помнить, что создатели этой породы ставили себе целью не одну молочность, но в не меньшей степени мясность, особенно работоспособность. По этим же соображениям естественно в свицком стаде ожидать в среднем относительно большего процента молочных животных.

В пределах каждой породы существуют различные уклонения от среднего типа, имеющие полное право на существование. По возможности со всеми такими уклонениями заводчик должен ознакомиться. Только тогда он вполне поймет, что же представляет собою та порода, которую он наметил для разведения в своем заводе. В пределах породы он должен облюбовать себе тот тип, который он признает для себя наиболее удобным, полезным, вообще желательным.

При ведении племенного дела заводчику неизбежно приходится постоянно как бы забегать вперед, с большей или меньшей вероятностью предугадывать, что должно получиться от соединения той или иной пары — самца и самки; ему необходимо в формах и свойствах молодого животного, продукте такого соединения по возможности провидеть то, что должно сохраниться в нем до полного возраста. Оставляя весь молодой организм до достижения им этого полного возраста и тогда производить отбор не по силам никакому хозяйству. На протяжении периода развития и формирования группы животных хозяйну неизбежно приходится не раз производить в ней браковку. Вот тут и велик риск ошибок, тут-то и сказывается и опыт и природный нюх заводчика, так как далеко не всегда животное, казавшееся в молодости лучшим в ставке, таким же лучшим среди своих сверстников останется и по достижении им полного возраста. Опыт приобретает именно тем, что заводчик, хорошо познавший с породой и ее свойствами, постепенно наблюдает за развитием ряда животных тех или иных кровей не только в нескольких ставках последовательного ряда лет, но и последовательно двух или нескольких поколений. Этим путем естественно вырабатывается более отчетливое представление о среднем типе не только в породе, но и в отдельных линиях кровей в пределах породы; естественно накапливается и разнообразие случаев и форм отклонения от определенного среднего типа. Вот почему опытный заводчик неизбежно начинает обнаруживать тяготение к определенным линиям кровей, к определенным их сочетаниям. Рамки наблюдения, таким образом, суживаются, заводчик глубже всматривается в тот племенной материал, над которым он работает, сживается с ним, начинает лучше, острее чувствовать как средний тип, так и многообразие отклонений от него. Он естественно легче начинает разбираться в молодняке «своих кровей». По-видимому, малоозначающая, едва заметная в глазах постороннего, черточка в экстерьере молодого животного или в его характере для заводчика являются часто решающими для определения будущих достоинств его, так как в них он уже без колебания усматривает сказавшиеся черты или свойства того или иного из родителей или более отдаленных предков. Нередко в проявлении характера, в манере держаться, в характере движений, в схеме ребенка мы невольно усматриваем будущее в глаза сходство его со своим дедом, бабкой, хотя он их, может быть, никогда и не видел. Такие же черты фамильного сходства легко подмечает и заводчик, раз он имеет дело с хорошо знакомыми ему кровями.

Потомки Удалого — Лель, Загадка, Горыныч и многие другие, ведь, не точные копии с него. К породе Удалого естественные примыкают и братья, и сестры, и иные родственники его, раз они несут в себе характерные для этой породы, для этой линии черты. Более или менее отчетливо представлять себе всю совокупность черт породы, линии и может преимущественно перед другими тот заводчик, который работал над животными этих кровей.

При выборе производителя определенных кровей необходимо стремиться к тому, чтобы он по возможности полнее соединял в себе черты фамилии и был в смысле разделяющих их поколений ближе к родоначальнику ее.

Мне представляется всегда некоторым теоретическим увлечением, когда придают излишнее значение очень отдаленному предку. Я готов видеть представителя породы Удалого в его внуке, правнуке, не только сыне; но я был бы склонен признать скорее мало обоснованным увлечением, если бы кто-нибудь стал указывать на Варнака как на представителя крови Удалого, исходя из того, что прабабка его (до матери) Томная — дочь Удалого. Ведь этой крови в Варнаке по грубому подсчету не более $1/16$.

Я уже говорил выше, что, оценивая степень влияния предков на потомство, представляя себе, как кровь первоначально-го родоначальника с каждой новой случкой, в результате коей получается новое поколение, как бы разжижается. Так, например, кровь Удалого, переливаясь через Томную до Варнака, на пути своем последовательно сливалась, а благодаря этому постепенно и ослабевала, с кровью телегинского Бычка, с Летушим, Ветерком через Волну, с Пройдой через Варвара-Железного и Вармика. Тем не менее приходится иногда наблюдать, что кровь сравнительно отдаленного родоначальника не только не ослабевает, а, как бы перескочивши через 3—4 поколения или пройдя по ним как по передаточным звеньям, вдруг с особенной яркостью обнаруживается в правнуке, праправнуке.

Так, думается мне, кровь телегинского Бычка в его правнуке Варнаке оказалась много сильнее, чем более к нему близкая кровь дедов — Летушего или Варвара-Железного.

При подборе крови Удалого, если придавать ей особую цену в смысле крупности роста, общей мощности сложения, масти, стости движений, следовало бы, например, особенно ценить Загадку; ее мать серая Заветная была небольшая, сравнительно легкая кобылка; небольшая же ладная кобылка была и бабка ее Закраса, мать Заветной. Очевидно, в шестипершковой гнедой

томках, т. е. в праправнуках Марешаль-Нисель, даже при постановном тщательном специальном подборе хряков, я не могу не чувствовать некоторой Familialной сыроватости, продолжающейся на протяжении четырех поколений. Почти уверен, что одно неосмотрительное соединение этой молодежи с сыроном хряком в ближайшем же поколении может опять посадить животных на ноги. Смотря на молодых — приплод Марочки, я невольно представлял себе их предков, по крайней мере, на четыре поколения вверх. Потому мне и подбор к ним делать не сравненно легче, чем другому и опытному заводчику, но знающему только этих молодых животных и не представляющему себе отчетливо их предков.

Хряк Worsley Turk XVIII сам не выделялся ростом, не представлял хорошего среднего. Если принять во внимание, что как отец его Worsley Turk IV, так и мать Bottesford Marchington Queen не только сами выделялись крупным ростом, но и дали ряд потомков исключительно рослых, мы вправе не особенно опасаться понижения роста от введения этого хряка в завод в качестве производителя. Наоборот, если бы мы стремились в завод кровью W. Turk IV и B. Marchington Queen, главным образом, в качестве соединения, дающего особенно крупный рост, то мы бы должны были приостановиться перед W. Turk XVIII, памятуя, что он-то именно и является одним из сравнительно мелких представителей этой фамилии, и постараясь предварительно проверить, как он сам-то передает в свое потомство рост, характерный своими большими размерами вообще для фамилии.

Как бы ни соблазнил нас гармоничностью своих форм снятый во всем блеске выставочного порядка Bourne Banner V, мы все-таки не должны слепо ему доверяться, принимая во внимание, что в его породе сильно выражена «лонгземовщина», так ярко проявившаяся в его племяннике Юном Беннере, сыне Bourne Banner VII, не менее ладного, чем родной его брат B. Banner V.

Таким образом, приступая к делу, изучив породу в ее целом, уяснив себе как ее средний тип, так и возможные допустимые стандарт отклонения от него, заводчик должен возможно отчетливее представить себе тот тип, выведение коего он ставит себе целью в предстоящей работе. Ему, естественно, придется сосредоточить свое внимание на двух-трех наиболее ему знакомых, наиболее понятных, более других удовлетворяющих его задачам кровных в пределах избранной породы, среди коих ему и придется искать себе племенной материал.

Загадка гораздо настоячивее и определеннее последовательно через два поколения проявлялись характерные черты Удалого.

Если заводчик стремится получить призового бойца не только на резвость, но и на большую дистанцию и иметь в своем распоряжении возможность располагать Вармиком, то матку под него необходимо подбирать из линий, дающих безусловно дистанционеров. Правда, и сам Вармик и родная сестра его Быстрая хорошо бежали на дистанцию не только на версту-полторы; правда, среди детей Вармика мы имеем таких дистанционеров, как Тоня Р., Барин-Молодой, Шемснур. Тем не менее нельзя упускать из виду, что Вармик все-таки принадлежит к породе Пройды, в потомстве коего дистанционеры — сравнительная редкость и не они характеризуют его кровь. Если прилитием к сыну Пройды Варвару-Железному через Волну крови дистанционера Ветерка и ослаблена склонность родоначальника их Пройды давать резвачей на коротке, то и последующий подбор должен вестись в том же направлении, чтобы не получить и без того всегда возможного возврата к старому. Если бы подбором маток к Крепышу и стремиться устранить в ожидаемом потомстве мягковатости бабок, то необходимо считаться с тем, что не безупречны они и у Летучего, деда Крепыша, и у Смелчака, сына Летучего, сравнительно лучше они только у Громадного — отца Крепыша.

Среди маток в моем свиноводстве была Марешаль-Нисель, премированная в 1905 г. на Московской выставке золотой медалью. Очень крупная, правильная, но плосковатая дочь Worsley Monarch II и Каротты попала ко мне от А. Ф. Будны пороскою от низконового ладного, широкого Бристоля. Сама она имела плохие, сырые слабые ноги, которым было не под силу носить столь крупное туловище, особенно в сытом виде. Она часто хромила и страдала болезнями ног. От компактного, кубичного на великоленных ногах стоящего Бристоля она дала необычайно крупную, карпообразную на отвратительных ногах Могучую. Последняя от компактного, очень крепкого, с костистыми сухими ногами Эклипса (он же Стах) дала мне громадную Марку, с ногами лучшими, чем у матери и бабки. От соединения Марки с Worsley Eclipse XVIII, наиболее сухим и крепким из всех бывших у меня когда-либо хряков, ни разу за четыре года пребывания у меня не захрамывавшим, получилась также крупная Марочка. Ее ноги, в особенности в первые два года жизни, никогда ни в ком не возбуждали сомнений. Мне же в ней они казались всегда самым слабым местом, требовавшим особой осмоторительности при подборе ей хряка. Даже в ее по-

Как бы ни были и по себе и по происхождению хороши намечаемые для заводских целей животные, предпочтение следует отдавать тем среди них, которые уже проявили себя в качестве производителей. Вот почему вряд ли можно признавать правильным обычное стремление наших заводчиков приобретать для завода животных по возможности молодых, даже еще не достигших половой зрелости. Правда, такое животное может дешевле обходиться при покупке, долгие служить в заводе, с таким животным легче, проще в заводе управлять. Но ведь сколько же тут и риска вводить в завод? Для истинного заводского дела, не для расхожого рядового хозяйства, неизмеримо вернее выбирать в производителей животных, уже проявивших свои заводские качества.

Ведь хотя бы приблизительно правильную оценку бычку или телке можно произвести никак не ранее, как по достижении ими возраста 1—1½ лет. Пуская животное в завод в возрасте даже 1½—2 лет, мы получаем его первый приплод в то время, когда ему самому уже около 2½ лет. Чтобы дать оценку приплоду, выяснить, в соединении с какими кровями этот производитель дал наилучшие результаты, мы должны ждать еще 1—1½ года, т. е. другими словами, оценить животное, как производителя, мы не в состоянии ранее того, как ему исполнится четыре года. Между тем про такого быка в хозяйстве начинают обычно говорить, что он уже стар, становится тяжел и требует смены. Если в рядовом хозяйстве такие разговоры вполне естественны, то в устах истинного заводчика, ведущего племенной завод, они, смену утверждать, недопустимы: ведь лишь с этого времени получается возможность вернее использовать уже определившегося производителя. Разумеется, этот возраст будет изменяться в зависимости от рода животного своеобразно: у растущего, половой зрелости и долговечности.

Американец Редфильд даже доказывает на призовых лошадях, что лучшие животные получают от производителей более старых. Он ставит это явление в связь с тем количеством работы, физических упражнений, которые продает за свою долгую жизнь старый производитель сравнительно с молодым, еще не успевшим в той же степени наупражнять, так сказать, свой организм. Этот как бы накопленный организм дает благоприятные результаты в потомстве. Эти соображения для меня не представляются вполне убедительными. Правда, они могут касаться исключительно лошадей. В моих глазах вопрос ставится иначе. Те жеребцы и кобылы, успешная заводская деятельность коих

американцем указывается как результат их многолетней и усиленной работы, может быть, оттого и смогли много и долго работать, что их от природы сильный организм выдерживал такую работу. Не этой ли силе организма, да еще увеличенной упражнениями, обязаны эти животные и своим удачным потомством? Быть может, такие исключительные животные и в более молодом возрасте, не в старости, дали бы *при надлежащем подборе* не худшие результаты. Если центр тяжести всех наблюдений и обобщений перенести на возраст вне зависимости от долгих упражнений, то объяснение тому же явлению можно дать и иное. Старый производитель гораздо более определенно: к нему легче сделать надлежащий подбор, руководствуясь достоинствами и недостатками его приплода предшествующих лет, исправить ошибки, сделанные в первые годы его заводской работы. Наконец, производитель, уже зарекомендовавший себя сравнительно удачным приплодом, естественно привлекает к себе большое внимание заводчиков, которые стремятся использовать его кровь, ставя под него лучших маток с наиболее подходящим ему сочетанием кровей. Если станвится на такую точку зрения, то относительно старые производители приобретают особую цену и значение не только в призовом коннозаводстве, но и во всех отраслях животноводства.

Беру на себя смелость утверждать, что уровень культурности племенного скотоводства целого края, отдельного ли хозяйства можно даже определять степенью использования производителей: чем сознательнее, определеннее, совершеннее ведется племенное дело, тем больше внимания уделяет оно относительно старым, уже определившимся производителям, стремясь полнее использовать их. Чем ближе дело к естественному стадному скотоводству, тем сильнее стремление пользоваться «без хлопот» молодыми бычками. Чем определеннее и удачнее с возрастом становится заводская деятельность призового производителя, тем постепенно дорожке становится плата за случку с ним. Его берегут, стремятся создать ему соответственно возрасту обстановку и порядок жизни в смысле кормления, моциона и т. д. А что и где делают у нас для того, чтобы не загружать, сохранить ценных в качестве производителей быков, хряков? Тут мы сталкиваемся с одним ясным стремлением: как бы поменьше хлопот да поскорее заменить молоденькими... Вот почему с особенной радостью приходится отмечать такие редкие у нас случаи, как пользование до 12-летнего возраста быком Швыцером в заводе Д. О. Венцлавовича, Цепелином в Майновской ферме, где быку установлена специальная работа

в повозке; наконец, продажа В. А. Опель за большую цену симментала Карлуши, причем на два или три года вперед устанавливалось заводчиками последовательное право дальнейшей перекупки его из одного завода в другой.

Все это — досадно редкие исключения в нашем зарождающемся племенном деле.

В призовом деле купленная в завод за сотни рублей молодая кобыла, зарекомендовавшая себя удачным приплодом, старухой продается за тысячи. Относительно старая, но еще вполне годная в заводе, хотя бы и доказавшая приплодом свою племенную ценность корова, или свинья обречена идти под нож. Если и найдется на такую матку редкий покупатель-любитель, то цена обычно мало превышает соответствующую цену на мясо. По сравнению с таким племенным материалом и ценами на него мы сверх всякой меры переплачиваем за молодой, еще совершенно неизвестный материал.

Знаменитый современный рысак-производитель Вармик в четырехлетнем возрасте покупался в корень в тройку. П. А. Ге давал за него 350—400 руб.; заводчик Родзевич просил 450—500. Продажа не состоялась. Через полгода Вармик появляется на ипподроме и после успешных выступлений в Москве и Петрограде оценивается покупателями последовательно уже в 3—5—7 тысяч. Давши исключительно удачных потомков, он в возрасте 14—15 лет оценивается уже десятками тысяч. Случка с ним до сих пор, а ему уже 21 год весной, оценивается в 750 руб. с кобылы, причем все свободные места под него обычно разбираются.

Если исключить призовое дело, то вряд ли можно отрицать, что подбор по заводам если и ведется, то исключительно по экстерьеру и притом с ясно выраженным спортивным оттенком. Несомненно не только затрудняющим, но подчас даже разрушающим дело подбора является обычное у заводчиков стремление сразу исправлять целый ряд черт. Одновременно ставится задачей достижение роста, ширины туловища, относительной низконоготости, прямизны спины, породности головы, выразительности глаз и т. д. Всякому понятно, что производитель столь совершенных форм найти невозможно, а потому, чем больше зададим одновременно мы себе ставим, тем менее продуктивной окажется наша заводская работа. Гораздо вернее будет она, если заводчик ставит себе одновременно 2—3 задачи, небольшие, и на них сосредоточивает все свое внимание, временно мирясь с другими неизбежными недочетами. Ставя себе, например, главной задачей поднятие роста в стаде, временно мирясь с не-

которой узковатостью туловища, высоконогостью; требуя хорошего костяка, при крупном росте, по необходимости мирясь с возможной грубоватостью, простоватостью общего облика животного. Только закрепив в молодом поколении рост при вполне удовлетворительном костяке, можно ставить себе для отбора среди этого молодняка последующие задачи, как большая ширина туловища или большая выразительность общего облика, относительное благородство и т. п. Когда среди молодняка будет отобрана группа таких поступающих в племенную состав животных, тогда к ним уже необходимо подобрать соответствующего целям производителя. Словом, задача заводчика значительно облегчается, если он не разбрасывается, а старается составлять более или менее однородные маточные группы и к ним уже подбирать производителя.

Одну из крупнейших ошибок делает заводчик, когда начинает работать «на счастье», хватаясь то за того, то за другого. На той или иной выставке попавшегося ему под руку, выдвинувшегося полученной наградой, производителя. Эти заводчики забывают, что и при определенном подборе производителей среди молодежи оказывается слишком много уклонений от намеченного и ожидаемого среднего типа вследствие обычного разнообразия кровей, из которых слит каждый производитель. Введение же в завод случайного производителя только за то, что ему присуждена высокая награда, рискует повлечь за собой в молодняке такую мешанину черт и внешних и внутренних, что какая-либо плановость в дальнейшей заводской работе окажется невозможной. Все дело поневоле придется начинать сначала путем отбора более или менее однородной группы маток и исключения тех из них, которые хотя бы и представляли собой, каждая сама по себе, выдающихся животных, но не составляли бы собою хотя бы приблизительно однородной группы и таким образом мешали бы возможности подобрать производителя, который бы подходил к целой группе. Индивидуальный же подбор особо к каждой матке — задача для завода, разумеется, не только непосильная, но даже вряд ли практически осуществимая.

Не могу не отметить одной существенной черты нашего племенного дела, которая, к сожалению, слишком часто встречается. Раба спортивных увлечений, мы слишком часто пересеем вводим второстепенные черты ласкающей пятами, ладной породной головой животного, особо прямой спиной, красиво заканчивающейся, правильно и нарядно приставленным хвостом, и ради

но-видимому, родства, он обратился в другой завод и приобрел третьего своего производителя уже не у Венцлавовича, а в Майтской ферме. Представте себе его разочарование, когда отец этого третьего производителя — майновский Микадо — оказался сыном того же Швыцера.

А. Ф. Будны, наш первоклассный высокоталантливый заводчик, также поплатился за свое слишком легкое отношение к кровям и заводским книгам: «Мне нужно животное, а не бумага», — не раз иронизировал он над интересующимися кровями, педигристами. Ему привезли из Англии двух хряков (их до-машнее прозвище в Быхаве Imperial и Imperial), оказавшихся однопометниками. Следующий приобретенный им хряк Дербл Крак (также домашняя кличка) оказался полубратом двум первым; вся тройка от одной матери.

А. Г. Бергман ряд лет пользовался выводным хряком Wog-sley Turk XVIII. На смену ему был приобретен на одном аукционе в Англии молодой хряк, оказавшийся впоследствии сыном того же W. Turk XVIII.

Напомню приведенный мною выше список: пять российских хозяйств в стремлении своем избежать родственных кровей в разное время приобретают себе в различные заводы Англии производителей, которые оказываются однопометниками. Не говорю уже о полубратях, племянниках и прочих близких родственниках, приобретенных в то же время в другие хозяйства. Таким образом, российские заводы оказались в значительной степени насыщенными кровью Bougne Banner. Не удивляюсь, если окажется, что в некоторые хозяйства, которым «нужно животное, а не бумага», эта кровь проникла дважды и таким образом еще усилилась родственными случаями. Мудрено ли, что в таких хозяйствах станет в изобилии появляться молодежь с явными чертами, характерными для «лонгемовичей». А ведь хозяева, не интересующиеся «бумагой», не желающие понять ее, пожалуй, будут жаловаться на такую молодежь, вина во всем «выводных» производителей.

Так ли опасно родственное разведение, как представляют себе российские заводчики?

Прежде чем отвечать на такой вопрос, необходимо ясно себе представлять, что понимается под словами «родственное разведение». Необходимо строго отличать случайное соединение родственных друг другу животных от соединения, которое является результатом заранее обдуманного и намеренного заводчиком сочетания кровей. В первом случае родственное соединение является по большей части следствием неимения под рукой

этого слишком снисходительно миримся с более существенными недостатками склада, как легковатость костяка, плосковатость туловища, бедноватость подпруги и т. п.

Стремление к спортивному эффекту нередко побуждает нас гнаться исключительно за выдающимся ростом свиньи, причем мы забываем, что назначение свиньи — дать при наивыгоднейших условиях мясную тушу. Между тем тип исключительно крупной свиньи обычно дает большой сравнительно процент животных плоских, высоконогих, поздно складывающихся, туго откармливающихся, со слабыми сырыми ногами, несобственными доносить туши до полного откорма. Часто прекрасное животное исключительно благодаря таким ногам раньше времени, как говорят, садится на ноги и должно быть прирезано в недокормленном теле. Несколько таких животных, значительно увеличивая процент брака, обесценивают целую ставку.

Чем больше будем мы освобождаться от опьяняющего спортивного тумана, чем более здоровый, трезвый характер дела, а не забавы, станет приобретать в этой области спортивность, тем правильнее будут ставиться заводчиком предстоящие ему задачи.

Я твердо верю в то, что элемент здоровой, преследующей разумные цели спортивности всегда живит дело, содействует его дальнейшему развитию.

Ведя племенной подбор в своем хозяйстве, заводчик постоянно наталкивается на вопросы о спаривании более друг к другу близких в смысле кровного родства или более отдаленных, лишь соединенных каким-нибудь общим предком, животных.

В глазах большинства российских заводчиков родство между производителем и матками вещь недопустимая, неминуемо влекущая за собою вырождение, измельчание, бесплодие и прочие заводские беды. Не знаящие происхождения животных, мало знакомые с кровями, не умеющие и избегающие разбираться в так называемых аттестатах, не говорю уже о заводских книгах, наши заводчики в целях избежания родства пользуются подчас наивными приемами. Купив бычка или хряка в одном заводе, за телками или свинками они обращаются уже в другой — так-де скорее избежешь родства. Не обходится тут дело и без курьезов. Приведу несколько фактов.

Один владелец завода свицев покупал производителей у Д. О. Венцлавовича: первый из них был сын знаменитого быка Швыцера; следующий был уже от другого быка, но мать оказалась дочерью Швыцера. Чтобы избавиться от неизбежного,

подходящего производителя неродственных кровей и пользования таким какой есть, без какого-либо подбора. Еще хуже случайные случки — результаты недосмотра, по большей части случки братьев с сестрами, впрочем не отделенных друг от друга. В последнем случае отрицательные последствия родственной случки усугубляются еще тем, что соединяются животные слишком молодые, чаще всего еще не достигшие полной половой зрелости, могущие по этим причинам дать лишь слабое, недоразвитое потомство.

Подобные случки, думается мне, особенно ярко подчеркивают возможный вред от родственных случек.

Совершенно иные результаты можно получить от соединения родственных между собою животных, вполне развившихся и не обладающих такими семейными недостатками, которые могут усилиться от родственного соединения.

Если изнеженность, ослабление костяка и общего склада животного, наклонность к утере роста, понижение плодovitости и т. п. явления вырождения, по-видимому, часто обнаруживаются в молодняке, происшедшем от соединения близкородственных между собою родителей, то это еще не дает основания для того, чтобы совсем отказываться от родственного разведения вообще.

Если вспомнить историю создания многих современных культурных пород, то родственное спаривание в руках талантливых заводчиков оказывалось одним из вернейших творческих средств. Эти создатели пород не останавливались перед соединением даже самых близких родственников, как, например, случка сына с матерью, отца с дочерью, родных братьев с сестрой. Немало таких случаев в истории и портгорнов, и брабансонов, и белых английских свиней. Много их и вообще в коннозаводском деле. Есть заводчики, обнаруживающие особенную склонность пользоваться для достижения своих целей родственными случками.

Так, в первоклассном в свое время Лупандинском заводе Д. В. Голицына часто встречалась случка между собою детей и внуков Непобедимого-Молодца 2-го и Павина, так что в породе лошадей, происшедших от таких случек, близко повторялась по два раза кровь и того и другого производителей. Такие же случки близких родственников встречались в заводе П. П. Мосолова и особенно В. П. Охотникова.

Знаменитая небольшая ладная пероновская Закраса является продуктом случки Заветной, дочери блохинского Молодецкого, со своим отцом. Между тем от этой Закрасы и ее приплода произошла серия лучших малютинских лошадей, как Загадка,

Заплатный (дяд по матери Ледка), Зорька, Золушка, Зайчар, Зверобой, Загадка, Зайсан, Звонарь и др.

По количеству исключительно резвого потомства не знающая в российском коннозаводстве себе соперниц дерматовская Булатная — дочь Богача, сына кормилицынского Бычка, и Гусени, внуки того же Бычка.

Охотниковский Ветерок есть результат соединения полубрата с полусестрой: как отец его — Кролик, так и мать — Главная оба дети Соболя 2-го. В свою очередь, отец последнего — Соболя 1-й и мать — Арабка 1-я оба от одного и того же отца — Кролика.

Таких примеров множество.

Родственное разведение вообще, соединение близких родственников в частности и было и останется одним из могучих творческих средств в руках талантливого и мыслящего заводчика. То же родственное спаривание, но как случайное явление в руках бесталанного, мало отдающего себе отчета в своей заводской работе хозяина, легко может оказаться лишь безсловесно пагубным. Мышьяк, камфара и другие подобные сильнодействующие средства так же могут болезненно или умирающего вернуть к жизни, как и здорового в один момент отправить на тот свет. Все дело в том, кто их применяет.

Чтобы оценить весь смысл родственного спаривания или родственного разведения, как системы заводской работы, необходимо вникнуть в понятие о породе и постараться отдать себе ясный отчет в том, что она собою представляет.

Чем более человек знакомится с какой-либо породой животных, тем больше разнообразия начинает он подмечать в отдельных составляющих ее животных и наоборот — тем легче, свободнее начинает в различных по виду животных одной породы улавливать и общие характеризующие такую черту.

Если шестипершкового Бунчука поставить рядом с небольшим Вармиком или Ледком, огромного Леля и дочь его шестипершковую Загадку поставить с едва достигающим трех вершков Варнаком, то не будет удивительно, если не посвященный в заводские тонкости человек признает их за лошадей разной породы. Не удивился бы, если бы обыватель, глядя на простоватого, грузноватого Варвара-Железного, не только не увидел бы в нем призового рысака, а просто сказал бы даже — «верно из битогов», понимая под этим термином хотя и малоопределенный тип, но тип ломовой лошади. Также не удивит меня, если многих из лошадей завода Петрово-Солововой с ярко выраженной кровью Дара, Шлема назовут верховыми.

Принимая те приемы, которые приходится применять заводчику, когда он, приступая к метизации, путем поглотения крови из пестрой массы метисов, стремится вывести стадо животных по типу, близкое к той породе, кровь которой он начал в целях улучшения приливать.

Выше я привел грубый по своей примитивности расчет степени влияния кровей родителей. Каждое животное, согласно этому расчету, предполагается, половину своих внешних черт и внутренних свойств получает от отца, другую — от матери; или по одной четверти своих свойств наследует от каждого из своих двух дедов и по одной же четверти — от каждой из трех бабок и т. д.

Случая простую русскую корову со швицким, допустим, быком, мы получим приплод полукровный, т. е. с половиной приблизительно свойств, характерных для русской породы, и половиной, характерных для швицев. Случая эту полукровку с чистокровным же швицем, мы по этому расчету получим животное с тремя четвертями швицкой крови и лишь одной четвертью русской.

Следующая случка — этой $\frac{3}{4}$ -кровой телки со швицем же даст в результате животное с $\frac{7}{8}$ долями швицкой крови. Дальнейшие случки дадут последовательно животных со степенями кровности $\frac{15}{16}$, $\frac{31}{32}$, $\frac{63}{64}$ и т. д. В подавляющем числе случаев с каждой новой случкой, приливающей через каждого нового чистокровного быка лишнюю порцию чистой швицкой крови, первоначальная кровь как бы разжижается, ослабевает, постепенно теряет определенность своих черт, все более вытесняемых чертами швицкой породы.

Обычно при такой системе метизации животные, имеющие $\frac{15}{16}$, не говоря уже о $\frac{31}{32}$ долей швицкой крови, настолько деваются типичными для этой породы, что на выставках при приравнении к чистокровным мирам они обычно уже и приравниваются к чистокровным швицам. Это даст нам право заключать, что чем больше в животном от его предков однородной крови, тем резче выразится в нем и тип, соответствующий этой крови.

Вот почему ради быстрого и прочного закрепления интересовавшихся заводчиков тех или иных черт они и не останавливались перед самыми тесными родственными соединениями до случки матери с сыном, дочери с отцом включительно. Отрицать некоторую рискованность таких близких соединений вряд ли было бы основательным. Потому повторение таких близких в смысле родства случаев обычно не практикуется. Чаще, чтобы закрепить полученные результаты, применяют в дальнейшем

Никогда не забуду случая во время вывозки на всероссийской выставке 1910 г. в Москве, когда один из старейших, ныне, правда, отошедший от призового дела, русских заводчиков стоявшего перед входом на круг с цепью медалей на шее знаменитого старого жеребца Хваленого принял за крестьянского жеребчика, удачно поработавшего на случайном пункте и представленного медалями, очевидно, де на местных выставках-вывозках за удачный приплод. Да и кто, по правде сказать, рядом с красавцами Громадным, Горностаем, Смелчаком в маленьком простоватом Хваленом исключительно по виду определит рысака той же породы, да еще к тому же и рекордиста и одного из лучших современных производителей?

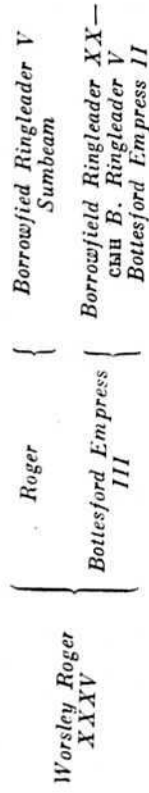
Так же трудно поверить в то, что громадный горбоватый тридцатипудовый хряк Worsley Turk (выставленный на 48-й Московской выставке производителем К. Э. Пяцинского); еще более длинный, узкобедный, доскообразный, выставленный мной на 49-й выставке Wallas — с одной стороны, и небольшой, широкый, ладный Spalding Stoker (производитель у С. Г. Венцлавовича); небольшой, типичный для «тонгзеновщины», бергмановский Bourne Banner XVI; небольшая сравнительно, безупречно ладная, слишком, пожалуй, для заводской матки задаженная Репка О. Н. Ипатьевич-Горанской — с другой, принадлежат к одной и той же породе, крупной белой английской породе свиней — Large White. А между тем сомневаться в этом нет никаких оснований.

Все это лишь доказывает, насколько заводское дело — дело новое, еще не установившее для своей работы достаточно определенных рамок. Чем больше культурной работы испытала на себе порода, тем более определился тип ее, тем меньше в ней шансов, меньше уклонов от средней нормы. Таков мясной скот английских пород. Когда смотришь на мясных шортгорнов или абердин-ангусов, то вряд ли окажется место сомнению, к какой породе принадлежат эти животные. Но такой выработанностью, устойчивостью своих характерных черт могут похвастаться не многие породы. Большинство же из них представляют собою сравнительно большую пестроту отдельных типов.

Чтобы не заблудиться в этом разнообразии типов, не забросаться в своей работе среди них, заводчику, как я уже говорил выше, по необходимости приходится замыкать ее в пределах нескольких наметенных или наиболее знакомых линий и в своей работе часто подходить близко к понятию о родственном разведении.

случки с животными, если и не близкородственными, то, во всяком случае, происходящими от одного общего, не особенно далеко по ступеням родства стоящего предка — деда, прадеда. Причем для таких случаев среди потомства этого предка, разумеется, следует выбирать особей, наиболее определенно носящие в себе интересующие заводчика черты своей фамилии. Если племенные линии или фамилии представить себе как бы самостоятельными породами (подпородами, так сказать) в пределах породы, то указанный выше способ подбора сочетания родственников кровей можно сравнить с системами метизации, в частности, как бы системой постепенного поглощения кровей. Таким подбором преследуется постепенное усиление влияния определенной линии, которая как бы вытесняет собою другие крови, слабее представленные. Образец такого закрепления интересовавшего заводчика типа представляет собою изображенный на одной из таблиц хряк Worsley Roger XXXV.

Его внешнее сходство с отцом — Roger'ом вне сомнения. Этот тип, очевидно, стремились закрепить и подбором кровей. Вот его педигри.

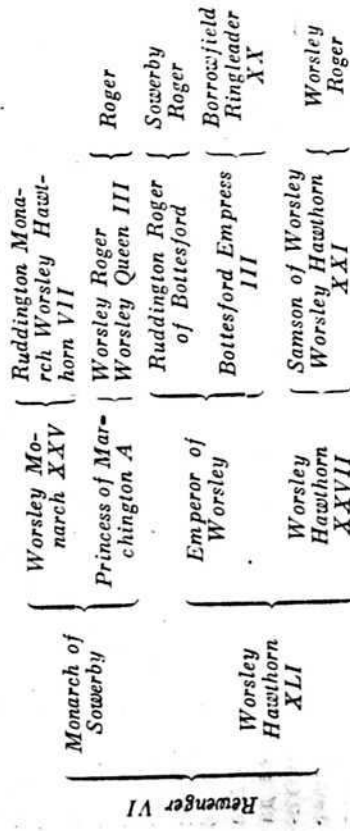

Таким образом, чтобы получить W. Roger XXXV, соединили Roger'a, сына B. Ringleader V, с Empress III, внучкой того же B. Ringleader V.

Выше мне приходилось отмечать, что соединения кровей Roger'a и Ruddington Monarch'a обычно давало очень хорошие результаты. Эти крови, как говорят обычно в житейском обиходе, «идут друг к другу». Весьма возможно, что такое соответствие объясняется каким-нибудь особенно удавшимся соединением в далеких предках, от которого и взял свое начало две линии, оказавшиеся в последующих своих представителях так «идущими друг к другу». Раз такое соответствие отмечено, то заводчику естественно стараться использовать этот хотя бы относительно проверенный опыт и делать подбор по возможности в пределах этих линий.

Одним из производителей в моем заводе состоит хряк Rewenger VI, представляющий собой результат относительно тесного соединения кровей этих двух линий. Такая относительная

определенность сочетания кровей, из которых слит этот хряк, дает мне основание особенно ценить его как производителя, дающего ровный приплод определенного типа. Хряк очень хорошего, хотя и не исключительно крупного роста, 17—18 пудов в племенном теле, на низких хороших ногах, с совершенно прямой горизонтальной спиной, одинаково широким как в зад, так и в перед туловищем. Словом, это удивительно пропорциональный брус, на хороших невысоких ногах стоящий и заканчивающийся хорошей, очень идущей к туловищу головой, с прекрасным живым глазом. Вот педигри этого очень совершенного по формам животного.

Если рассмотреть породу четырех прадедов и четырех прабабок, то окажется, что Worsley Roger — сын Roger'a; W. Hawthorn XXI — дочь того же Worsley Roger'a; Bottesford Empress III, как мы видели выше, является представительницей той же линии Ringleader'ов, что и Roger; Ruddington Roger of Bottesford происходит от тех же Ringleader'ов. Таким образом, из восьми предков, дедов и бабок, четыре несут в себе кровь Ringleader'ов, а пятый — старый Monarch. Соединяя Rewenger VI со свиньями, в которых имеется та же кровь Ringleader'ов, непосредственно Roger'a, а также и Monarch, я вправе ожидать очень ровное, выдержанное в намеченном типе потомство. По имеющейся молодежи я уже почти вправе это не только предполагать, но, пожалуй, и утверждать. Такое родственное разведение применять к задачам сельскохозяйственного животноводства я не только не считаю опасным, рискованным, но готов рекомендовать как верное средство выработать определенный тип, закрепить его и в дальнейшем более или менее получать не столько единичных исключительно удачных животных,

сколько выравненный верный в смысле разрешения хозяйственных задач материал.

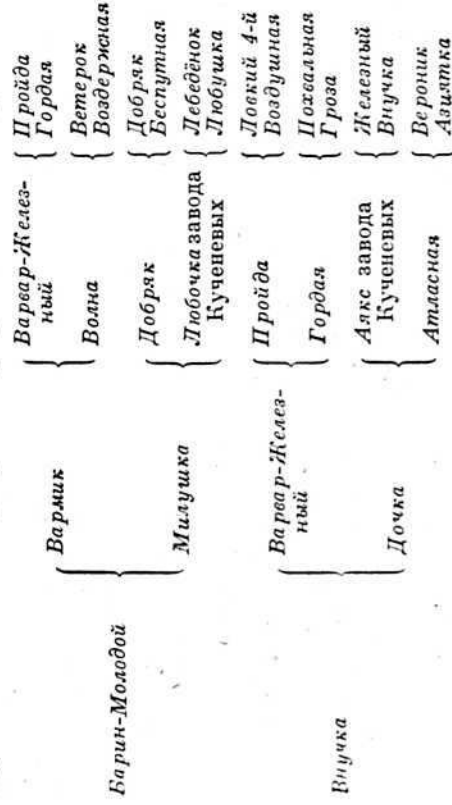
Высказываясь в области сельскохозяйственного животноводства вообще не только за допустимость, но и за полезность родственного спаривания, считаю долгом оговориться, что во избежание отрицательных, возможно даже пагубных результатов необходимо особенно основательное знакомство с кровями спариваемых животных, с характерными чертами ближайших их родичей. Чем ближе, темнее родство спариваемых животных, тем строже, беспощаднее должен быть и подбор: животные, имеющие хоть слабые намеки на изнеженность, рахитичность, малоплодность, для такой случки абсолютно не допустимы. Если данной фамилии присущ какой-либо существенный недостаток, как слабость спины или ног, бедность зада и т. п., то для родственного спаривания возможно допустить лишь таких представителей фамилии, которые эти недостатки унаследовали в наименьшей степени. Иначе неосторожным, слишком снисходительным подбором мы рискуем не столько закрепить фамилные недостатки. Чем в каждом данном случае выгоднее поступиться, разрешает, разумеется, лишь здравый смысл да заводской нух хозяина. Преследуя выработку полезного хозяйственного среднего типа, нельзя забывать, что толкает породу или тип вперед по пути ее развития, совершенствования не средний, вполне удовлетворяющий существующему требованию производитель, а выдающийся среди своих сородичей экземпляр, бьющий их или своими формами и качествами, или особо проявившейся в нем способностью давать в приплоде значительный процент животных, обгоняющих установившийся в линии средний тип. От зоркого недремлющего никогда на лаврах достигнутых успехов не почитающего глаза талантливого и работающего заводчика такой выдвинувшийся производитель не укроется: заводчик постарается полнее использовать его, укрепивши в потомстве выдвинувшие его среди софамильников черты.

Как бы ни стремились мы вести завод в тесных рамках 2—3 фамилий, нам неизбежно приходится считаться с необходимостью прилить ту или иную новую кровь: потому ли, что не находится подходящего производителя близких заводу кровей, потому ли, что разводимый тип требует какого-либо дополнения или исправления в виде ли увеличения роста, придания большей ширины туловища, большей сухости и т. д. Вот в таких-то случаях и сказывается с особенной яркостью необходимость

следить за развитием породы вообще, за заводской работой и других заводов. Заводское дело всегда близко к понятию о непрерывном, дльщемся опыте. Стремление экономить силы, средства и время должно подсказывать заводчику необходимость следовать и по другим заводам за ходом таких опытов, дабы использовать результаты их и по возможности избежать повторения чужих ошибок.

В этом отношении особенно необходимо следить за тем, как по заводам обнаруживается тяготение одних кровей к другим, как отражается на приплоде повторение или усиление тех или иных кровей и т. п. Я уже указывал на благоприятные, по-видимому результаты, полученные от повторения кровей в заводах Голицыных, Мосолова и др. Всякого, интересующегося современным русским рысаком, не может не интересовать своего рода опыт повторения кровей, произведенный в заводе Н. Н. Федорова. Рекордиста Барина-Молодого он случил с одной из лучших русских кобыл — Внучкой, давшей таких выдающихся лошадей, как роздевичевская Приветная, Лилия (2 мин. 14⁵/₈), Аир, Осокорь, Незабудка и др.

Естественно было задаться вопросом — что же можно ждать от такого соединения? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо вчитаться в педигри интересующей нас молодежи.

Сравнительно близкое повторение крови Варвара-Железного может дать сыроватость, простоватость общего облика. Нет основания удивляться, если то же повторение крови обнаружит в молодняке склонность к закидкам, характерным для

стами, индивидуалистов с педигристами есть ряд недоразумений. Разве все они не преследуют одной и той же цели? Разве экстерьерист не стремится определить «на глазок», выражаясь вульгарно, продуктивное животное — резвое, молочное, способное откармливаться и т. п.? Разве он преследует одни формы, ради форм только? Не говорю о внешней показной спортивности. Разве стремящийся вывести высокомоложное стадо заводчик не будет постепенно отбраковывать то, что слабее по экстерьеру, без чего стадо рискует без всякой нужды превратиться в собрание уродов? Разве знание предков животного и степени их экстерьерных ли, продуктивных ли достоинств и недостатков не помогает заводчику вернее оценить его как заводской материал и лучше, полнее использовать?

В заводском деле исключительная погоня за экстерьером есть такое же одностороннее увлечение, как и оценка животного исключительно по продуктивности. Русский животновод может больше сочувствовать тому или другому увлечению, но ему вполне понятно как то, так и другое.

Что касается значения происхождения животного, то вряд ли ошибусь, утверждая, что в русском животноводстве оно еще не вышло из области теории или внешне прикрашающих заводское дело, заводскую коммерцию, слов. Редкие исключения лишь подтверждают общее явление.

Призовое коннозаводство дает нам богатый сравнительно материал для возможно успешного разрешения заводских задач.

Остается лишь пожелать, чтобы и в области вопросов разведения рогатого скота мы признали неотложную необходимость скорейшего накопления такого же материала, который бы позволял нам оценивать животное не только по «корням хвостов» да по пятнам, не только по его индивидуальным устоям, но позволял бы и заглядывать, так сказать, в нутро его, чтобы по возможности точнее определять, что принадлежит ему лично и является, легко может быть, его случайным свойством, и что является закрепленным наследием, полученным от предков.

Необходимо постепенно накапливать тот заводской капитал, которым является *заводская кровь*, которая хотя и не раскрывает перед нами всех тайн природы, но, несомненно, облегчает нам возможность в заводском деле постепенно сокращать область проявления случайного и делает заводскую работу более верной.

Вот почему с непоколебимой уверенностью заканчиваю утверждением, что без знания *кровей* — нет *племенного дела*.

линии Пройды, но не проявлявшимся ни в Вармике, ни в его потомстве. Усиленная кровь Варвара-Железного, перенесая в потомство исключительную способность к резвым движениям, может наделять молодежь тем же недостатком энергии в борьбе, «отсутствием сердца» — по технической призывной терминологии, который мешал потомству Пройды проявлять резвость в меру прирожденных талантов, мешал ему проявлять резвость и на более длинные дистанции.

Вместе с тем нельзя отвергать возможность, что перечисленные, вполне допустимые отрицательные последствия повторения крови Варвара-Железного в интересующей нас молодежи могут встретиться естественный противовес в повторении, хотя и более далеком, а следовательно, возможно и более слабым, крови кученевских лошадей и в особенности григоровского Железного — отца Любушки (бабки Милушки) и Аякса — деда Внучки. Кученевские лошади и не отличались сыроватостью и дали немало дистанционеров до знаменитого яньковского Грозного включительно. Необходимо вспомнить и то, что с кученевскими кровями Варвар-Железный давал всегда удачные соединения. Возможно, что и Шемснур, сын Вармика, своими способностями дистанционера обязан кученевским кровям своей матери Леды.

Разбираясь в кровях и стремясь определить уже обнаружившиеся наиболее удачные сочетания их, заводчик не может не отметить, что кровь Лунандинского завода Голицыных давала удачные результаты и при родственных соединениях и сливаясь с Кряжевой породой завода Лейхтенберга. Голицынские кобылы легли в основу завода Телегиных и в соединении с исключительным производителем Могучим, сыном Подарка, создали и славу заводу.

Наряду с этим не раз испробованное соединение голицынских кровей с воронцовскими никогда не давало особенно заметных результатов.

Так же, по-видимому, плохо вяжутся крови малютинских лошадей с лейхтенбергскими.

Если русская рысистая порода и не всегда, по-видимому, дает хорошие результаты при сочетании родственных одно другому животных, то редкий американский резвый рысак не является результатом повторения крови того или иного выдающегося производителя, а особенно Гамлетониана. Кровь последнего в некоторых рысках повторена много раз.

Всматриваясь в заводское дело, в заводскую работу, и утверждаешься в мысли, что спор экстерьеристов с продуктив-